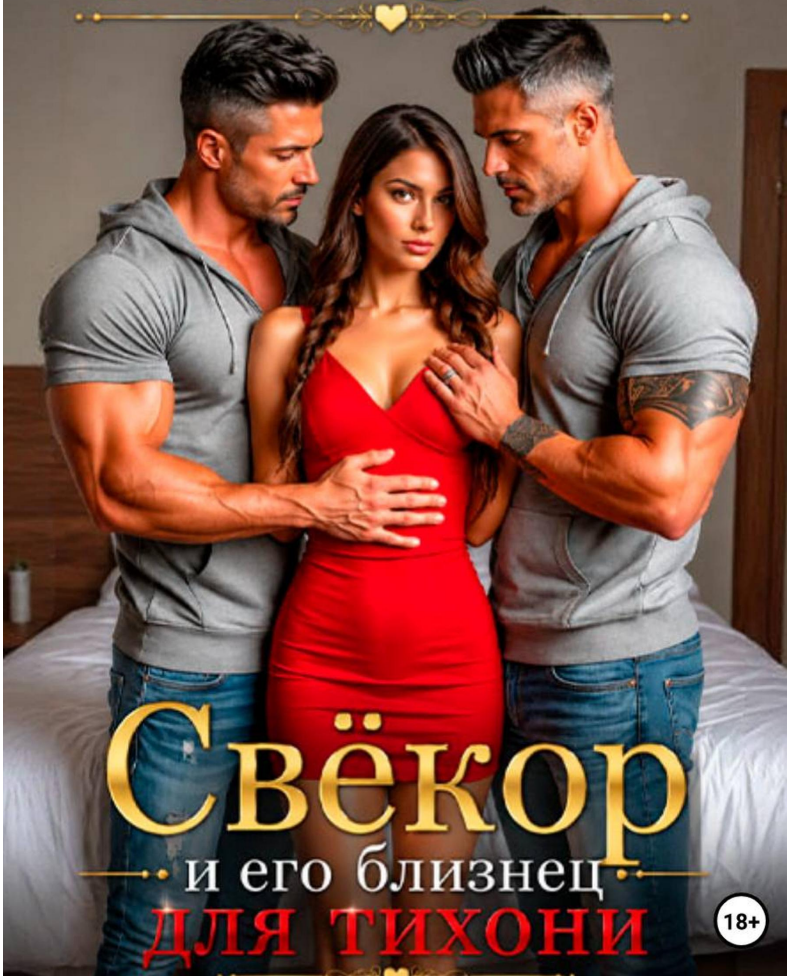

Леса Ран

Свёкор

и его близнец

для ТИХОНИ

18+

Леса Ран Свёкор и его близнец для тихони

<https://litres.ru/74607889>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она выросла в тихой семье, верила в любовь и вышла замуж за парня, который казался её спасением. Но реальность оказалась жестокой: Алексей изменял ей, пока она ждала его дома.

Случайно найденные сообщения, слёзы в ванной и двое мужчин, оставшихся с ней наедине в огромном доме посреди леса. Свёкор Григорий и его брат-близнец Глеб — грубые, властные, опасные. Они не спрашивают разрешения. Они просто берут то, что считают своим.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Леса Ран

Свёкор и его

близнец для тихони

Глава 1

Яна стояла у порога массивного каменного дома на краю леса, крепко сжимая ручку своей потрёпанной сумки. Сердце стучало так громко, что, казалось, эхом отдавалось в тишине осеннего вечера. Это был её первый визит к свёкру.

Алексей, её муж, уверенно распахнул тяжёлую дверь из потемневшего дуба, даже не оглянувшись.

— Не трусь, Яна, — бросил он через плечо. — Отец строгий, но дело своё знает. А дядя Глеб... они с отцом как одно целое, близнецы. Всё вдвоём решают.

Внутри пахло свежим деревом, машинным маслом и густым табачным дымом — запахом мужчин, привыкших командовать миром вокруг. Половицы скрипели под ногами, словно протестуя против вторжения. Стены гостиной были увешаны чёрно-белыми фото: охотничьи трофеи, ржавые грузовики, группы суровых парней в камуфляже. На всех снимках выделялись двое — точные копии друг друга. Вы-

сокие, широкоплечие, с шрамами на скулах и стальными глазами. Григорий Петрович, отец Алексея, и его брат-близнец Глеб Петрович. Легенды городка: бывшие десантники. Они брали, что хотели — землю, контракты, уважение. Никто не смел перечить.

Яна была их полной противоположностью. Двадцать четыре года, хрупкая, с длинными каштановыми волосами, заплетенными в косу, и глазами, полными доверчивости. Выросла в тихой семье: отец — бухгалтер, мать — библиотекарь. Алексей казался спасением — высокий, уверенный, с той же железной родословной.

— Ты моя тихоня, — шептал он ей. — Я тебя в обиду не дам.

Они шагнули в гостиную. У огромного камина, в старых креслах, сидели они — Григорий и Глеб. Оба в одинаковых фланелевых рубашках, облегающих мощные торсы, в выцветших джинсах и стоптанных ботинках. Бороды седеющие, руки — как кувалды, с татуировками на предплечьях. Дверь скрипнула — и оба повернули головы синхронно, как хищники. Взгляды — тяжёлые, оценивающие — прошлись по Яне: от скромного свитера до узкой юбки ниже колен. Она вспыхнула румянцем, чувствуя, как их глаза цепляются за каждую складку ткани.

Григорий встал первым, его фигура заслонила свет лампы.

— Ну, наконец-то явились, — прогремел он басом, от ко-

торого задрожали стаканы на полке. — Сынок, подходи.

Он хлопнул Алексея по плечу — удар был таким, что тот качнулся. Затем шагнул к Яне, нависая над ней, как гора.

— А это твоя женушка? Худенькая, как тростинка. Проходи, Яна. Здесь всё наше — бери, не стесняйся.

Глеб не поднялся, только кивнул, но его глаза впились в неё цепко.

— Садись ближе к огню, — сказал он хрипло, указывая на диван. — Замёрзнешь у нас в этих тряпках.

Алексей рассмеялся, толкая Яну вперёд.

— Они всегда так, Ян. Отец и дядя Глеб — братья до мозга костей. Всё поровну делят.

Ужин накрыли в столовой — грубый деревянный стол ломился от сковородок с жареным мясом, картошкой и банками солений. Братья говорили громко, перебивая друг друга, о делах: как прижали конкурента, отобрали его склад, как женщины в кабаке сами на шею вешаются. Их хохот гремел, кулаки стучали по столу, пиво лилось рекой. Яна ковыряла вилкой в тарелке, краснея от их прямолинейности. Григорий плеснул ей компота из кувшина, его мозолистая ладонь на миг накрыла её руку — прикосновение было тяжёлым, властным.

— Пей давай, — буркнул он. — Бледная ты у нас. Надо мяса побольше — силу набрать. А то сломаешься, как спичка.

Глеб ухмыльнулся, не отрывая глаз.

— Алексей, ты её кормишь хоть? А то смотрю — кожа да кости. Мы своих так не держим.

— Да ладно вам, — отмахнулся Алексей. — Она у меня нежная, цветочек.

Ночью Яна ворочалась в гостевой спальне. Алексей храпел рядом, утомленный дорогой. Жажда разбудила её — она прокралась на кухню босиком. В коридоре горел тусклый свет, и там, у окна, стоял Глеб. Его силуэт заполнял проём, сигарета тлела в пальцах.

— Не спится, птенчик? — спросил он тихо, но тон был приказным.

Яна замерла.

— Да... воды хотела.

Он шагнул ближе, запах дыма и пота окутал её.

— Твой Алексей — щенок ещё. Рядом с нами. А ты... надолго здесь?

— Не знаю, — прошептала она, отводя взгляд.

— Знай: в этом доме всё наше. И гости тоже.

Утром Алексей укатил по срочному звонку — в соседний город, на пару дней. Яна осталась с братьями. Григорий водил её по дому и сараям: показывал гараж с грузовиками, мастерскую с инструментами. Его рука легла на её плечо — тяжёлая, как оковы.

— Видишь, Яна? Всё это наше. Кровью брали. И ты теперь в семье — привыкай.

Глеб наблюдал из тени, скрестив руки.

— Не бойся, Яна. Мы присмотрим за тобой.

Вечером, когда братья ушли в сарай, Яна наткнулась на телефон Алексея, который он забыл. Экран вспыхнул сообщением:

«Родной, жду тебя сегодня в мотеле. Целую, Катя».

Ещё одно: «Не задерживайся, соскучилась по твоим рукам».

Сердце Яны сжалось в комок. Она заперлась в ванной, давась слезами, комкая в руках телефон. Как он мог?! Пять лет брака, пять лет она верила ему, а он... Мысли путались, но сквозь боль пробивалось странное, пугающее осознание: взгляды братьев вдруг показались не просто строгими. Жадными, обещающими больше, чем слова. Она вытерла слёзы и заставила себя выйти.

Глава 2

Яна сидела за кухонным столом, уставившись в пустую чашку. Телефон Алексея она сунула обратно туда, где нашла, но слова Кати жгли мозг, как кислота. “Соскучилась”. Значит, не первый раз. А Яна — запасная, декорация для семьи. А эти двое... Григорий и Глеб. Их взгляды весь день скользили по ней, как руки по гладкой коже. Не просто любопытство — голод. Она сжала бёдра, чувствуя, как юбка липнет к вспотевшим ногам.

«Я должна бежать, — думала она, — но куда? И почему это тело отзывается на их грубость?»

Дверь скрипнула — вошли они. Григорий нёс ящик с инструментами, Глеб — бутылъ с самогоном. Оба вспотели после работы в гараже: рубашки прилипли к мускулистым торсам, обрисовывая каждый бугор рельефа. Штаны низко сидели на бёдрах, ремни расстёгнуты наполовину. Запах пота, масла и мускуса ударил в ноздри — тяжёлый, мужской, от которого у Яны закружилась голова.

— Чего хмурая, птенчик? — Григорий поставил ящик, вытер лоб тыльной стороной ладони. Его глаза упёрлись в её грудь, где свитер натянулся от нервного дыхания. — Алексей свалил, а ты как сирота?

Глеб налил самогон в три стакана, подвинул один к ней. Рука его — огромная, с венами, как канаты — коснулась её

пальцев дольше, чем нужно.

— Пей, Яна. Разгонит кровь. А то сидишь бледная, сиськи еле видны под этой тряпкой.

Она вздрогнула от его слов, но выпила — огонь обжёг горло, разлился теплом по животу. Они расселись напротив, ноги их в ботинках упёрлись в её под столом, раздвигая колени. Григорий расстегнул ещё одну пуговицу на рубашке, обнажив густые волосы на груди.

— Расскажи, что стряслось, — прогремел он, наклоняясь ближе. Его дыхание — горячее, с табаком — коснулось её щеки.

Глеб хмыкнул, его нога медленно провела по внутренней стороне её бедра — якобы случайно, но давление было твёрдым, настойчивым. Яна замерла, жар между ног усилился. Она попыталась отодвинуться, но стул упёрся в стену. Бежать некуда.

— Алексей... он... — прошептала она, но голос сорвался. Она хотела рассказать про измену, но слова застряли в горле.

Григорий встал, обошёл стол одним шагом. Его ладонь легла на её затылок, пальцы запутались в косе, потянули голову назад — властно, но не больно. Лицо его оказалось в сантиметрах: борода колола кожу, глаза горели.

— Щенок наш. Ему женщины нужны — молодые, жадные. А ты... ты для нас. Тихая, свежая. Чувствуешь, как тянет?

Он прижался бёдрами — и она ощутила твёрдый бугор в

штанах, упёршийся в её плечо. Огромный, горячий, пульсирующий сквозь ткань. Глеб с другой стороны встал, его рука скользнула по её спине вниз, к ягодицам, сжал сильно, через юбку.

— Видишь, брат? — хрипло сказал Глеб. — Уже мокрая, наверное. Нюх у меня на таких. Раздвинь ноги шире. Покажи, чего там прячешь .

Яна ахнула, пытаясь сжать колени, но ноги сами разошлись под их напором. Их запах кружил голову. Григорий наклонился, губы почти коснулись её уха:

— Мы братья. Всё вдвоём. Трахнем тебя так, что забудешь его имя. Хочешь? Скажи «да», и мы снимем с тебя эти тряпки.

Его рука нырнула под свитер, грубые пальцы прошлись по животу, вверх — к груди. Сосок он ущипнул через лифчик, потянул. Боль смешалась с удовольствием, Яна выгнулась, сама не понимая, почему не отталкивает. Глеб тем временем задрал юбку, большой палец провёл по краю трусиков, надавил на клитор сквозь влажную ткань.

— Смотри, Гриша, сочится уже. Её киска зовёт нас.

Она задрожала, оргазм накатывал волной от их касаний. Но в последний миг они отступили — ухмыляясь, как волки.

— Не спеши, птенчик, — Григорий шлёпнул её по щеке ладонью — легко, но властно. — Ночью продолжим.

Они ушли в сарай, оставив её дрожать на стуле, с мокры-

ми трусиками и гудящим телом. Дверь закрылась, но эхо их слов висело в воздухе. Яна сжалась в комок, чувствуя, как слёзы текут по щекам — от стыда, от страха, от того, что тело предало ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.